

В нем не просто была изложена информация по поводу социологии как науки, ее функций, методов и основных научных направлений, а осуществился авторский замысел — представить свой взгляд на природу и специфику социологического познания мира. При этом Ирина Марковна отделила науку от других способов познания и духовной деятельности и дала четкое определение критериев собственно научного социологического знания. Столь же последовательно и ясно она обозначила различие между академической социологической наукой с множеством методологических подходов, с одной стороны, и прикладными социологическими исследованиями, социальной инженерией — с другой. Особое внимание уделялось социальной природе социологии, ее зависимости и от социального заказа, и от политики. И наконец, Ирина Марковна обосновала необходимость гражданской позиции социолога не только как отстраненного наблюдателя и эксперта, а как участника современных ему социальных процессов. Она сама занимала такую позицию в своей научной деятельности и хотела видеть ее в деятельности своих учеников и всего украинского социологического сообщества.

В свое время учебник Ирины Марковны Поповой был одним из первых в Украине, сейчас их написано достаточно много, но то был авторский курс социологии, что и по сей день остается большой редкостью. И если согласиться с Ириной Марковной, что наука — это не только особый вид знания, но и особая форма духовной деятельности, то обучать ей необходимо не только посредством текстов, но и предлагая образец для подражания — посредством своих действий, своих жизненных принципов. Ее жизнь и была таким образцом.

*НАТАЛИЯ ОТРЕШКО,
доцент социогуманитарного факультета МСУ*

Мы жили в одно время с ней...

Биография Ирины Марковны Поповой, с одной стороны, определилась в советское время, а с другой стороны, отражает перелом эпохи, “тяжелые для страны и всех нас годы”, как написала она в посвящении к своей монографии “1989–1991. Диагноз времени (Одесситы о себе и переменах в обществе): Историко-социологические очерки” (2006). В этой книге она словно сигнализирует: пришло время для спокойного непредвзятого научного анализа нашего недавнего прошлого, для того, чтоб разобраться, почему романтика перестройки захлебнулась в “лихих 90-х”. Многие ее оценки перестроечного периода, как показало время, оказались верными, другие пересмотрела и дополнила она сама. Независимо от отношения к советской эпохе, Ирина Марковна всегда считала себя причастной к ней. Из многочисленных бесед с ней я уяснил, что И. Попова, оставаясь независимым ученым, отстаивала иные стратегии реформирования общества, нежели те, что были приняты в 1991–1992 годах. “Лжи столько, что задохнуться можно”, — писал в “Окаянных днях” в Одессе Иван Бунин. Спустя 80 лет истории предостояло повториться парадоксальным образом.

Ирина Марковна доказала на примере собственной жизни, что, находясь внутри советской (а позднее — постсоветской) системы, можно было

ставить и решать многие серьезные проблемы общества, не прибегая к революционным шагам, которые, как правило, обращают развитие общества вспять и переламаывают судьбы миллионов людей.

Ирину Марковну больше интересовали судьбы простых людей, и она много сил отдала практическому воплощению идеи создания Народных архивов. Один из уроков ее жизни, на мой взгляд, заключался в том, чтобы брать на себя ответственность за историю, совершающуюся на твоих глазах и при твоём участии.

Производя новое научное знание, основываясь на данных номинально региональных исследований, Ирина Марковна внесла неопределимый вклад в понимание механизмов социетальной трансформации не только украинского общества. Социальной средой и исследовательским объектом для нее было все постсоветское пространство (не говоря уже о том, что город ее жизни — Одесса — может считаться провинцией только в головах отдельных столичных снобов).

Скромность и мягкость характера сочетались в Ирине Марковне с твердостью в защите принципов — нравственных и творческих. Для ее стиля деятельности были характерны органическое единство теории и практики, традиции и свободы, ясность и завершенность формулировок в полемических докладах и статьях. Она всегда говорила то, что думала, делала то, во что верила. Неподдельное уважение к собеседнику, обязательность и деликатность, отношение к людям независимо от их статуса обнаруживали ее подлинную интеллигентность, вызывающую глубокую симпатию к ней. Ирина Марковна пользовалась уважением даже у тех, кто был ее идейным оппонентом. Она ни перед кем не заискивала, честно трудилась во имя лучшего будущего своей страны. До последнего дня была человеком очень энергичным, работоспособным, опровергавшим традиционные представления о возрасте. Очень многим теперь будет не хватать ее ненаписанных работ, непрочитанных лекций, просто человеческого слова, совета, поддержки... Для всех работавших с Ириной Марковной, знавших ее она была и останется эталоном подвижнического отношения к социологии, к воспитанию и подготовке молодых специалистов, образцом Ученого, Педагога и Гражданина.

Верю, что сила ее влияния на общественные процессы в Украине продолжится после окончания ее земной жизни. А нам, оставшимся, еще предстоит в полной мере освоить ее богатое творческое наследие.

*АЛЕКСЕЙ БЕЛЕНКО,
ведущий социолог отдела социальных структур
Института социологии НАН Украины*